

**ПАВЕЛ  
(ПЕСАХ)  
АМНУЭЛЬ**

РАССЛЕДОВАНИЯ  
БЕРКОВИЧА 7 (СБОРНИК)

Расследования Бориса Берковича

Павел Амнуэль

**Расследования  
Берковича 7 (сборник)**

«Остеон-Групп»

2014

## **Амнуэль П. Р.**

Расследования Берковича 7 (сборник) / П. Р. Амнуэль —  
«Остеон-Групп» , 2014 — (Расследования Бориса Берковича)

ISBN 978-5-85689-199-6

Сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П.Амнуэль немало сделал и на ниве детектива. В течение четырех лет в газете «Вести-Иерусалим» печатался цикл детективных рассказов «Расследования Бориса Берковича», число которых выросло до 200.

ISBN 978-5-85689-199-6

© Амнуэль П. Р., 2014  
© «Остеон-Групп» , 2014

## Содержание

Таинственное похищение	6
Грибной суп	9
Серебристая статуя	13
Невинные жертвы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# **Павел Амнуэль**

## **Расследования Берковича 7**

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка, 2014.

## Таинственное похищение

– Наташа, – сказал Беркович, – а не погулять ли нам перед сном, пока на улице ясно?

– Ты подумал о том же, что и я, – улыбнулась жена. – Если завтра начнется дождь, придется сидеть дома.

Далеко, впрочем, они не пошли. С моря тянуло сыростью, и минут через десять Беркович повернул домой. Последние дни Наташа чувствовала себя не очень хорошо, особенно по утрам; возможно, это было естественно в ее положении, но Беркович, привыкший видеть жену здоровой и всегда бодрой, хотел ей помочь, не знал – как, и оттого чувствовал себя еще более неуверенно.

Они уже миновали детскую площадку, когда на их улицу свернула полицейская машина и остановилась у противоположного дома. Берковичу узнал вышедшего из машины полицейского – это был инспектор Мизрахи, с которым старший сержант был почти не знаком – здоровались при встрече, не больше.

За рулем патрульной машины сидел Моше, с которым и сам Беркович не раз выезжал на задания.

– Моше, – спросил Беркович, подходя, – что здесь случилось?

– Человек пропал, – охотно сообщил Моше, узнав старшего сержанта. – Поехал утром в магазин и не вернулся.

– А имя пропавшего?

– Имя... – нахмурился Моше. – А, вспомнил! Хагай Корен его зовут. Ты его знаешь?

– Пожалуй, – протянул Беркович. Он действительно помнил этого человека, жившего вдвоем с женой в квартире на втором этаже. Около шестидесяти лет, коренастый, работал водителем автобуса. Беркович познакомился с Кореном несколько месяцев назад в магазинчике, где оба покупали хлеб. Как-то они разговорились, стоя в очереди к кассе. Корен очень болезненно реагировал на политические события, о переговорах с палестинцами говорил как о национальной трагедии и был вполне искренен.

– Наташа, – сказал Беркович, – иди домой, хорошо? А я поднимусь на минуту.

В квартире Корена он застал инспектора Мизрахи, расспрашивавшего жену пропавшего Орну, женщину очень экспансивную, сыпавшую словами и восклицаниями в таком темпе, что понять хотя бы одну фразу целиком представляло большую сложность – особенно для инспектора, впервые видевшего эту женщину. Совместными усилиями удалось наконец разобраться в том, что происходило утром. Хагай поехал в Дизенгоф-центр за электрическим одеялом, поскольку ночью в квартире уже было холодно. Больше никакой информации от мужа Орна не имела. Она ждала его к обеду, а когда он не вернулся, начала обзванивать родственников и знакомых.

– Будем искать, – пообещал Мизрахи, вставая. – Как только что-нибудь узнаем, дадим знать.

– Загулял где-то, – сказал инспектор Берковичу, когда они спустились к машине. – Я передал патрульным описание. Машину пока тоже не нашли.

Беркович вернулся домой и, успокоив жену, сел перед телевизором, но думал не о передаче, а о соседе. Если он попал в аварию... Хороший человек, жаль.

На следующий день, придя на работу, Беркович первым делом поинтересовался результатом поиска – Корена так и не нашли, рано утром задействовали несколько поисковых бригад, пока безуспешно.

Занявшись изучением документов по делу торговца наркотиками Бен-Шимона, Беркович на время забыл о пропавшем соседе, вспомнил о Корене, когда спустился в кафе, где сидело несколько коллег, обсуждавших таинственное исчезновение.

– Машину нашли, – сообщил сержант, фамилии которого Беркович не знал, – на обочине в двадцати километрах от Иерусалима в сторону Гуш Эциона. Пустынное место. Есть, говорят, следы борьбы. На сидении разбросано содержимое кошелька, больших денег, кстати, нет – только документы, кредитная карточка, мелочь всякая...

– Кровь? – спросил Беркович.

– Нет, о крови я не слышал, – покачал головой сержант. – Похоже, он остановил машину по чьей-то просьбе, на него тут же напали, он и сопротивляться толком не смог.

– Ты считаешь, что это теракт? – спросил один из полицейских. – Я тоже так думаю. Хамасовцы недавно заявили, что собираются похитить солдата...

Об этом Беркович слышал по радио. Если Корен действительно попал в руки террористов, ему не позавидуешь.

Возвращаясь с работы, Беркович прошел мимо дома, где жили Корены. У дверей подъезда стояли люди, наверняка обсуждали подробности похищения. Берковичу захотелось сказать хотя бы несколько слов поддержки Орне Корен, и он поднялся на второй этаж. Хозяйка была в квартире одна; открыв Берковичу дверь, она набросилась на него с упреками в адрес полиции – уже вторые сутки, как пропал муж, и что же? Где он? Его убили? Если его убили, пусть скажут!

Беркович произносил слова утешения, что-то обещал, хотя уж от него-то вообще ничего не зависело, и несколько минут спустя покинул квартиру, испытывая ощущение, что упустил что-то важное. То ли Орна упомянула какую-то деталь, способную помочь в поисках, то ли... Нет, не вспоминалось.

Недовольный собой, Беркович вернулся домой, где его ждал ужин и Наташин рассказ о том, как на работе ей поручили сегодня новое задание. Он слушал жену рассеянно, а когда она упомянула о новом романе Марининой, купленном в русском книжном магазине, Беркович понял наконец, что его смутило, когда он сидел в гостиной Коренов. Ерунда, конечно, но, с другой стороны...

Старший сержант плохо знал инспектора Мизрахи и не представлял, как тот отреагирует, если какой-то сотрудник, да еще из другого отдела, начнет делать свои выводы и предлагать их следствию. Вовлекать в возможный конфликт собственное начальство – инспектора Хутиэли – Беркович тоже не хотел. Не придумав выхода из щекотливой ситуации, он попросил Наташу поскучать без него полчаса и, накинув куртку, отправился в дом напротив. К вечеру люди, толпившиеся у подъезда, разошлись, но зато в квартире Коренов собрались родственники и, судя по возбужденным голосам, честили на чем свет стоит и полицию, не способную найти пропавшего, и, конечно, арабов, для которых любой еврей – потенциальный объект нападения.

Когда Беркович вошел, на него набросились с вопросами и предложением немедленно организовать отряд быстрого реагирования и отправиться на территории мстить арабам.

– Да я ничего не знаю, – отбивался Беркович. – Я сосед, живу напротив, а Хагая ищут, и, я уверен, найдут, все будет в порядке.

Произнося эту ничего не значившую фразу, он смотрел на Орну Корен и, не обнаружив ожидаемой реакции, продолжил:

– Надеюсь, что Хагай не станет лезть на рожон и говорить арабам то, что он о них думает. С террористами это небезопасно.

– Небезопасно! – вкричала Орна. – Муж всегда был настоящим евреем, не то что эти нынешние. Они готовы все отдать, а Хагай каждый месяц ездил в Хеврон, молился в пещере праотцев!

– Он часто бывал на территориях? – спросил Беркович.

– Хагай работал в «Эгеде», – сообщила Орна. – Водил автобусы в поселения, он сам хотел работать на таких маршрутах. Чего только арабы не делали! Бросали камни, а в прошлом году стреляли и ранили двух пассажиров – это были дети!

– Могу представить, как на все это реагировал ваш муж, – вздохнул Беркович.

– Как может реагировать честный человек? – пожал плечами Орна. – А теперь они его похитили. Вот увидите, они знали, кого похищали – им нужен был именно Хагай, они его запомнили, они...

– Да, я понимаю, – прервал Беркович поток возмущения и, посидев еще несколько минут, вернулся домой. Наташа уже легла спать, и Беркович отправился с телефоном на кухню. Он не был уверен, что сумеет в этот поздний час получить ответ на интересовавший его вопрос. К счастью, в отделе дежурил знакомый сержант, который, выслушав коллегу, пообещал навести справки. Звонок раздался полчаса спустя.

– Борис, – сказал сержант, – ты был прав. Прочитать тебе заключение?

Записав под диктовку несколько предложений, Беркович вздохнул и, поняв, что ничего другого не остается, набрал номер инспектора Хутиэли. Тот смотрел футбол по телевизору и не сразу понял, чего хочет старший сержант. Выслушав, он вздохнул и сказал:

– Не очень убедительно. Но Баруху я сейчас позвоню, пусть примет во внимание и эту информацию.

Утром, включив радио, Беркович услышал, что полиция обнаружила похищенного вчера Хагая Корена в заброшенном доме на старой дороге из Иерусалима в Хеврон. Несчастливого, видимо, пытали, потому что на лице у него много царапин, а одежда разорвана. Ему удалось еще до появления полиции освободиться от веревок, которыми его связали похитители, и сейчас Корен дает показания в участке Кирьят-Арбы, описывая в деталях события прошедшего дня.

– Могу себе представить, – хмыкнул Беркович и выключил радио.

Приехав на работу, он застал начальника за чтением протокола.

– На, почитай, – инспектор бросил Берковичу лист бумаги. – Все так, как ты сказал. Послушай, почему эта идея пришла тебе в голову? Даже Хан, исследовавший машину Корена, не нашел ничего, что противоречило бы версии похищения.

– Психология, – сказал Беркович. – Побывав днем в квартире Корена, я удивился поведению его жены. До приезда Мизрахи она смотрела телевизор и читала «Едиот ахронот» – статью о скидках в сети «Гиперколь». Только после того, как мы вошли, она стала кричать и волноваться о судьбе мужа. На стенах я увидел фотографии Хеврона, нескольких поселений, и везде Корен был на переднем плане. Я немного знал этого человека и понимал его. Впрочем, сам, конечно, я так не поступил бы. Но, в отличие от меня, Хагай уже немолод, нервная система не та... И с работы он ушел потому, что с ним произошел нервный срыв после прошлогоднего нападения на его автобус. Арабов он просто возненавидел, и кто его за это осудит?

– Хм... – сказал Хутиэли, но не стал спорить.

– Я могу себе представить, что он говорил жене, – продолжал Беркович. – «Арабы обнаглели, а мы им потакаем. Они садятся нам на шею, а мы отдаем территории. Я не могу на это смотреть!» Он действительно не мог, я ведь был с ним немного знаком. Корен разыграть собственное похищение, чтобы у Израиля появилось основание послать Арафата подальше. Наивно, конечно, но тут сложилось все: и нервный срыв, и уход на пенсию, и любовь – настоящая любовь – к Хеврону... Он там на одной фотографии снят на фоне старого полуразрушенного дома. И подпись есть – указано где сделан снимок. Вот мне и пришло в голову, что он именно там.

– Надеюсь, – сказал Хутиэли, – у инспектора Мизрахи хватит ума не привлекать Корена к ответственности. Впрочем, не уверен... Этот тип заставил-таки Баруха побегать. Кстати, Борис, на благодарность Мизрахи можешь не рассчитывать. Скорее наоборот – он тебе при случае припомнит эту помощь в расследовании.

– Как-нибудь переживу, – вздохнул Беркович.

## Грибной суп

Голова у старшего сержанта Берковича с утра была тяжелой. Хотелось спать. Прошлой ночью он лег не так уж поздно – не было и двенадцати, – но сны сменяли друг друга и были нелепыми, как оправдательный приговор убийце. Хорошо, что была суббота, и можно было полежать, подождать, пока Наташа приготовит завтрак, а потом неторопливо одеться и постоять под теплым душем, разгоняя сонливость.

На завтрак Наташа приготовила тосты. Кофе тоже оказался очень вкусным, а легкий разговор доставил удовольствие. Поговорили о том, что нужно уже, пожалуй, купить коляску и освободить для детской кроватки место в углу спальни.

– Почему бы нам не съездить на природу? – спросил Беркович, когда тарелки были вымыты. – Погода хорошая и не жарко. А то потом пойдут дожди... Если хочешь, можем пригласить Збарских.

– Нет, – покачала головой Наташа. – Я не очень хорошо себя чувствую, давай лучше посидим дома. А Збарские, кстати, нас уже приглашали, я отказалась, извини. Они поехали в Президентский лес, это около Бейт-Шемеша. Говорят, там уже много грибов.

– Ах, грибы! – воскликнул Беркович, закатывая глаза. – Обожаю собирать грибы. А вот готовить – нет. И есть, кстати, тоже не люблю.

О грибах Беркович вспомнил под вечер, когда позвонил Амос Бреннер, дежуривший в оперативном отделе, и спросил, готов ли старший сержант выехать на место происшествия.

– Что случилось? – мгновенно напрягшись, спросил Беркович.

– Скорее всего, пустое дело, – успокоил его дежурный. – Пищевое отравление. Просто врачи из «Ихилова» перестраховываются.

– Почему я? – недовольно сказал старший сержант. – У меня выходной. Кто сегодня дежурит из группы следователей?

– Арик Михаэли уже в больнице, но он не понимает по-русски.

Беркович не стал спрашивать фамилии потерпевшего, и потому о том, что в больнице оказались его знакомые Збарские, он узнал лишь в приемном покое.

– Збарские? – переспросил старший сержант. – Михаэль? Ирэн?

– Оба, – сказал дежурный врач. – И еще двое. Их сын Ицик, а также Марк Вайншток, который ездил с ними по грибы. Грибами они и отравились. Михаэль скончался, остальные живы. Пока, – многозначительно добавил врач.

Збарские были давними знакомыми Наташи, когда-то они вместе учились в ульпане. Наташа время от времени болтала с Ирой Збарской, а иногда Миша Збарский, ставший за прошедшие годы хозяином крупной посреднической фирмы, звонил Берковичам и приглашал съездить на природу. «Если бы мы поехали сегодня с ними, – подумал Беркович, – то, может, и Наташа сейчас...»

О себе Беркович не подумал – он терпеть не мог грибной суп.

Поднимаясь с врачом на этаж, где лежали Ира с Ициком и ездивший со Збарскими за компанию не известный Берковичу Вайншток (о смерти Михаэля жене пока не сообщали), старший сержант спросил:

– Есть сомнения в причине смерти?

– Нет, – покачал головой врач. – Грибное отравление легко распознается. Но мы все равно обязаны были известить полицию.

– Да, я знаю. Михаэль прекрасно разбирался в грибах, – вздохнул Беркович. – Совершенно не представляю, как он мог ошибиться.

Ира Збарская лежала под капельницей, была бледна до синевы и едва шевелила губами.

– Боря... – прошептала она. – Ты пришел нас навестить? Хорошо, что вы с Наташей не поехали, а то...

– Ты сама готовила суп?

– Конечно.

– Сколько вы съели?

– Миша съел тарелку супа. Марику понравилось, и он попросил добавки. А я – только несколько ложек. И Ицик, слава Богу, тоже. Мы не очень любим грибной суп.

Пожелав Ире выздоровления, Беркович попрощался. В палаты к Ицику и Вайнштоку он заходить не стал, отправился с врачом в кабинет, где ждал сержант Михаэли, чтобы подписать документы о том, что полиция не находит причин для возбуждения уголовного дела.

В протоколе, составленном Михаэли, было написано, что Збарские приехали в лес в десять утра. В два, собрав грибы в большой полиэтиленовый пакет, они развели костер и начали готовить суп. В три трапеза была закончена, а через некоторое время все почувствовали недомогание. Решили срочно возвращаться, потому что поняли, что, скорее всего, отравились грибами. Машину вел Миша, ему было хуже всех, пришлось остановиться, и Вайншток вызвал по сотовому телефону скорую помощь. Когда приехали медики, Михаэль и семилетний Ицик были уже без сознания, Ира тоже находилась на грани, только Вайншток оказался достаточно бодрым и сумел объяснить произошедшее. Грибы, оставшиеся в пакете, были обычными маслятами, нормальными и пригодными в пищу без ограничений. Должно быть, среди всех оказалось несколько испорченных, они и попали в суп. Сделать анализ было невозможно, поскольку кастрюлю Ира помыла перед обратной дорогой, а одноразовые тарелки выбросила в мусорный бак.

– Странно, – сказал Беркович. – Вайншток, судя по словам Ирэн Збарски, съел больше остальных. Почему же...

– Бывает, – пожал плечами врач. – Одному, чтобы умереть, достаточно небольшой дозы, а на другого и лошадиная порция не действует. Кому как везет.

– Кому как везет, – повторил Беркович и отодвинул бумагу. – Знаете, я, пожалуй, поговорю с этим Вайнштоком.

Вайншток, крепкий мужчина лет сорока, тоже лежал под капельницей, но выглядел, в отличие от Иры, не таким бледным. О своем знакомстве со Збарскими и о том, что тоже был приглашен на пикник, Беркович не сказал ни слова. Он задал стандартные вопросы о том, кто собирал грибы, сколько их ушло на приготовление супа. Вайншток отвечал уверенно, рассказ его полностью совпал с тем, что Беркович услышал от Иры. Ничто не вызывало подозрений, и все таки старший сержант ощущал смутное беспокойство, появившееся еще в кабинете врача, когда он читал медицинское заключение.

– Вы все время находились вместе? – задал он неожиданный даже для самого себя вопрос. – Никуда не отходили?

Показалось ему или во взгляде Вайнштока действительно мелькнуло беспокойство?

– Нет, никуда, – сказал Вайншток. – Впрочем, если быть точным... На минуту отошел за деревья... Ну, вы понимаете...

– Да, – кивнул Беркович, – туалеты пока можно найти не в каждом лесу. Извините, поправляйтесь.

Выйдя в коридор, он минуту подумал и направился в палату, где лежала Ира.

– Кто этот Марк, с которым вы были? – спросил старший сержант.

– Он недавно появился... Старый Мишин знакомый. Ты лучше о нем у Миши спроси.

«У кого спросить?» – с тоской подумал Беркович. Он представил момент, когда Ира узнает наконец о смерти мужа, и поспешил задать следующий вопрос:

– Марк все время был с вами? Перед тем, как вы начали есть суп или сразу после этого он не уходил?

– Почему ты спрашиваешь? – удивилась Ира. – Уходил, да. Сразу после обеда. Наверное, ну, ты понимаешь... Его долго не было – полчаса, наверное. Мы даже начали кричать... Но тут Миша почувствовал себя плохо, потом Ицик...

– Поправляйся, – вздохнул Беркович.

Сержант Михаэли ожидал Берковича в холле.

– Куда отбуксировали машину Збарских? – спросил старший сержант.

– На стоянку около управления, – сообщил Михаэли.

Знакомая «субару» стояла в ближнем от въезда ряду, ключи от машины были у сторожа, Беркович забрался в салон, а потом осмотрел багажник. В полиэтиленовом мешке еще лежали десятка два грибов – на вид типичные маслята. В салоне находились вещи – сумочка Иры, дорожная сумка, чья-то куртка. То, что искал Беркович, найти было трудно, он, впрочем, и не надеялся на то, что преступник окажется неосторожен и выдаст себя какой-нибудь уликой. Впрочем, какие основания были у него считать Вайнштока преступником? Косвенные соображения, с которыми он даже не смог бы прийти к инспектору Хутиэли.

Вернувшись домой, он не сразу нашел в себе силы сообщить Наташе о трагедии. В ее положении только и нужно, что понервничать... Но Наташа хорошо знала мужа. Взгляд ее был достаточно красноречив, и Беркович – слово за слово – рассказал о том, что случилось в лесу.

– Ты думаешь, что это Марк? – спросила Наташа.

– Я вроде бы не дал тебе повода... – начал Беркович.

– Дал, – отрезала Наташа. – Ты так думаешь. И ты прав.

– Что? – поразился Беркович. – Ты-то почему так решила?

– Видишь ли, я знаю, что произошло между Мишей и этим...

– Откуда? Даже Ира не знает!

– Знает. Просто говорить не хочет. Она ведь мне и рассказала...

– Так, – сказал Беркович. – То, что ты скажешь, может оказаться важным для следствия, я запишу это на диктофон, а потом, если будет нужно, ты дашь официальные показания.

Утром в воскресенье, приехав в управление, он сидел напротив инспектора Хутиэли и во второй раз слушал запись. Вайншток и Збарский познакомились восемь лет назад – еще в России. Вайншток был удачливым бизнесменом – много таких развелось в начале девяностых. А Збарский мало что смыслил в бизнесе, но умел работать с людьми. Он стал у Вайнштока менеджером и узнал о том, каким путем приобрел его работодатель свое состояние. Збарский боготворил Иру и ничего от нее не скрывал, поэтому жена узнала о планах мужа. Михаил начал шантажировать хозяина, Ира была против, тем более, что это становилось опасным, а муж не хотел остановиться. В Москве стали происходить заказные убийства, и Ира боялась даже не столько за мужа, сколько за маленького сына. Она-то и уговорила Михаила репатрироваться – как раз во-время, когда фирма Вайнштока потеряла уйму денег во время первого «черного вторника».

Кто ж знал, что Марк и Михаил встретятся в Израиле? Вроде бы другая жизнь, другие отношения, все новое. Но Миша знал, видимо, о Марке такое, что позволяло ему и в Израиле тянуть с бывшего хозяина деньги. Ира рассказала об этом Наташе, взяв с нее слово ничего не говорить Борису. Только полицию не хватало вмешивать в их сложные отношения! Ира была уверена, что найдет выход.

Но первым его нашел Вайншток.

– Это мотив, – сказал Хутиэли. – А способ? Он ведь и сам ел суп – даже больше, чем другие.

– Поев, он ушел в лес и не появлялся почти полчаса, хотя и утверждает, что отсутствовал не больше минуты, – сказал Беркович. – Я спрашивал у Хана, он говорит, что грибной яд можно нейтрализовать, если сразу после его употребления принять сильное рвотное. Так и поступил Вайншток.

– Почему ты в этом уверен?

– Вот повторные анализы. Я не специалист, но палатный врач утверждает, что вместе с ядом или сразу после Вайншток действительно принял необходимые меры... Хан с этим выводом согласен.

– Почему это не обнаружили сразу? – нахмурился Хутиэли.

– Обычная нерасторопность! Привезли людей с отравлениями, сделали все, что необходимо, один умер, остальные выжили, кто думал о том, что нужно сделать полный анализ крови?

– Неужели Вайншток хотел смерти и женщины с мальчиком?

– Не думаю. Ирэн не любит грибной суп, она съела несколько ложек за компанию, Ицику тоже налили немного... А мужчины налегали. Под водочку...

– Грибы нужно покупать в банках, – сказал Хутиэли. – Что за нелепое занятие – собирать их в лесу? Странные вы люди...

## Серебристая статуя

Шломо Барка каждое утро приходил на перекресток двух приморских улиц, устанавливал на небольшой площади легкий постамент из пенопласта, забирался на него и замирал, изображая из себя статую в классическом стиле. Когда-то он работал в театре, но никогда не рассказывал даже близким знакомым – в каком именно. Прогнали его, по словам Шломо, из-за интриг, но все, кто знал Барку, полагали, что театральная карьера не задалась по причине если не бездарности, то, во всяком случае, не очень большого артистического таланта, которым обладал этот средних лет, среднего роста и, видимо, средних способностей мужчина. Жил он один, снимал двухкомнатную квартиру в непрестижном и дешевом районе Тель-Авива.

Может, ему стоило поменять специальность, но в своем призвании Барка был почему-то уверен. Некоторое время он показывал на улицах сценки и читал монологи, даже пробовал петь совершенно не оперным голосом, и все эти усилия привели только к тому, что Барку начали обходить стороной завсегдатаи улицы Рамбам, а случайные прохожие хихикали и бросали в коробку мелочь, не стоившую того, чтобы терять время.

Однажды Барка увидел по телевизору живую статую, покрытую позолотой и действительно похожую на роденовского Мыслителя. Статуя сидела на скамье у входа в парижский Нотр-Дам и, судя по окружавшей толпе, пользовалась изрядным успехом. Тогда-то Барка и понял: вот шанс! Он купил серебряной краски, изготовил одежду, подчеркивавшую рельеф фигуры, вымазал лицо, нацепил серебряный парик, из пенопласта вырезил постамент и в ближайшую пятницу изобразил на пешеходной улице Рамбам статую в стиле Фидия.

Эффект превзошел ожидания. Подавали столько, что к обеду Шломо окупил все расходы на краску, парик и пенопласт. Он понял, что попал на золотую жилу и с того дня работал сначала на Рамбам, а потом перешел ближе к морю, хотя здесь было меньше народа – в основном, туристы из ближайших отелей.

В тот день серебряная статуя, изображавшая дискобола, стояла на перекрестке с десяти утра. Около полудня начало припекать, зрители разошлись, и Шломо решил, видимо, что сегодня больше сборов не будет. Он сошел с постамента, поднял коробку с пожертвованиями и направился в ближайший переулок. Это видел Бени Хазан, хозяин расположенного напротив магазинчика. Когда старший сержант Беркович спросил у Хазана, не показалось ли ему поведение Барки странным, свидетель ответил, подумав:

– Он ушел слишком рано, это раз. В пятницу обычно туристы появляются ближе к вечеру, и Шломо оставался чуть ли не до первых звезд. И потом... Он никогда не оставлял постамента. Я подумал, что ему захотелось в туалет, и он вернется. А он не вернулся.

Шломо Барка действительно не вернулся на свое рабочее место, потому что еще с утра лежал в своей квартире мертвый. Эксперт Хан, обследовавший труп после того, как сосед Барки вызвал полицию, сказал, что смерть наступила между девятью и десятью часами.

– Как это может быть? – удивился Беркович. – В полдень Барка еще стоял на набережной. Не мог же он одновременно изображать статую и лежать мертвый в собственной спальне!

– Значит, либо этот человек – не Барка, либо статую изображал кто-то другой! Разве это не очевидно?

– Конечно, – кивнул Беркович. – Статую видели сотни человек. Многие из них – не первый раз. Хазан, сидевший за прилавком в своем магазине, видел Барку каждый день на протяжении многих месяцев. Он утверждает, что единственной странностью в сегодняшнем поведении Барки было то, что он слишком рано ушел и не забрал постамента.

– Надеюсь, ты не веришь в призраков? – осведомился эксперт.

– Нет, – резко сказал Беркович. – Меня интересуют две вещи. Во-первых, кто сыграл роль Барки – сам убийца или его сообщник? И во-вторых, зачем это вообще было нужно? Почему убийца рисковал – ведь кто-нибудь мог все-таки понять, что это не Барка?

– Видимо, – сказал Хан, – кому-то было нужно, чтобы тело как можно дольше не обнаружили.

– Ты думаешь? – покачал головой Беркович. – Но ведь сосед, позвонивший в полицию, мог и на час раньше заглянуть в квартиру Барки. Дверь была не заперта.

– Ну... Он ведь знал, что до вечера Барки обычно не бывает дома.

– Да, – согласился Беркович. – Соседу понадобилась зажигалка, и он позвонил в дверь Барки, не надеясь на то, что тот у себя. Потом потянул дверь на себя – чисто механически, как он утверждает, – и обнаружил, что может войти.

– Может, сосед и убил? – предположил эксперт Хан. – Мало ли какие у них были отношения? Убил, выбросил нож, подождал пару часов...

– А кто в это время стоял на постаменте? У соседа, кстати, алиби – с девяти утра до полудня он был на рынке Кармель, где его хорошо знают.

– У тебя есть другие идеи? – поинтересовался Хан.

Беркович пожал плечами и перевел разговор. В этом странном деле пока было ясно только одно: убийце необходимо было, чтобы прохожие, туристы и завсегдатаи тель-авивской набережной видели Барку стоящим на своем обычном месте.

Почему произошло убийство? Мотив сначала представлялся достаточно очевидным – драка. Барка что-то с кем-то не поделил, сцепился и получил нож в сердце. В квартире царил беспорядок, будто хозяин в гневе швырял стулья и выбрасывал посуду из кухонных ящиков. В спальне на первый взгляд все было на своих местах, но при внимательном рассмотрении Беркович обнаружил и здесь следы недавнего погрома. Кто-то открывал ящики с бельем, все перевероршил, а потом в спешке сложил вещи неаккуратно, и ящики не удалось закрыть плотно.

Если так, то речь может идти не об обычной драке. Более вероятен иной сценарий. Квартиру пытались ограбить, Барку убили, потому что он оказал сопротивление, искали драгоценности, и, возможно, нашли, хотя... Какие драгоценности могли быть у бывшего актера, долгое время перебивавшегося с хлеба на воду? В такие квартиры грабители не лезят, есть районы побогаче. А если все-таки полезли, значит, искали что-то конкретное. Что?

И почему – все тот же вопрос – нужно было изображать статую и показывать всем, что Барка жив? Если речь идет о грабеже, все это просто не имело смысла!

Пока Беркович осматривал квартиру убитого, следственная бригада опросила соседей – старший сержант просил задать два вопроса: видел ли кто-нибудь утром чужих людей и кто обычно приходил к Барке, когда он был дома?

На первый вопрос ответа получить не удалось – никто никого не видел. Если что и происходило в квартире Барки, то без лишнего шума. Значит, разбросанная мебель в салоне действительно была лишь инсценировкой драки, и на самом деле все было сделано достаточно тихо и со знанием дела. Что касается второго вопроса, то оказалось, что к бывшему актеру ходили самые разные люди. У него было множество приятелей, но вот что показалось Берковичу удивительным: соседи в голос утверждали, что все, кто ходил к Барке, были людьми не его круга. Не опустившиеся личности, как сам Шломо, а вполне приличные господа. Долго они, кстати, у Барки не засиживались, наверняка едва успевали выпить по чашечке кофе. Какие у них могли быть дела? Вряд ли просто приятельские отношения.

– Одно время я даже думал, что Шломо приторговывает наркотиками, – предположил сосед с первого этажа, старый Реувен Занднер. – Но потом понял, что это глупости. Не та публика. Местных наркоманов я знаю, они здесь ни разу не появлялись...

Перечитав краткие протоколы, Беркович сложил бумаги в папку и вернулся в управление. Инспектор Хутиэли был занят – допрашивал свидетеля по делу о пьяной драке в кафе, –

Беркович спустился в подвал, где помещались лаборатории криминологической экспертизы. Рон Хан еще не вернулся из морга в Абу-Кабире, где проводил вскрытие убитого утром Шломо Барки.

– Он уже едет, – сообщил сидевший в соседнем кабинете эксперт Даниэль Пундак. – Будет через несколько минут.

– Ты меня ждешь? – спросил Хан, войдя в свой кабинет и застав Берковича сидящим на узкой кушетке. – Могу сообщить: Барку убил профессионал. Один точный удар, и мгновенная смерть. Барка наверняка даже не вскрикнул.

– Попытка ограбления инсценирована, – задумчиво произнес Беркович. – Может, что-то и пропало, сказать трудно. Но ключ к этому убийству наверняка в двойнике Барки – в том человеке, кто изображал статую, когда Барка был уже мертв. Должен был быть смысл, и я вижу только один вариант.

– Какой? – полюбопытствовал Хан.

– Сам не догадываешься?

– В общем-то, это очевидно. Нужно было изображать Барку, чтобы некто, проходя мимо, подумал, что тот жив.

– Почти верно, – сказал Беркович. – Но мало для логически связанной картины. Некто должен был думать, что на постаменте – Барка, чтобы положить в коробку нечто. Не деньги. Что? Положил и ушел. А тот, кто играл Барку, взял коробку и исчез в переулке. Если его там ждала машина, никто бы этого не видел. А если машины не было, лже-Барку увидели бы на соседней улице. Согласен?

– Пожалуй.

– Если мы найдем человека, который что-то положил в коробку для денег, мы выйдем и на убийцу.

– Ищи ветра в поле, – хмыкнул эксперт.

– Почему? Лже-Барка ушел с набережной в четверть первого, это я выяснил. Народа там было мало, так утверждает хозяин магазина. Туристы. И я думаю...

Речь Берковича становилась все более замедленной, и наконец он и вовсе замолчал, уставившись в одну точку.

– Эй! – сказал Хан. – Проснись! О чем ты думаешь?

– Пожалуй, я поговорю с Ароном из отдела по борьбе с наркотиками, – сказал Беркович.

Арон Бармин об убийстве Барки уже слышал и на вопрос Берковича ответил, не задумываясь:

– Три туриста из Германии. Мы за ними следим с момента их приезда, нас Интерпол на них вывел. Утверждают, что это наркодилеры, и у них может быть товар. Но поводов для задержания мы так и не придумали... Ты считаешь, что пакетики с героином они бросили в коробку?

– Да, – кивнул Беркович. – Очень удобно, никто и внимания не обратит. Этот Барка давно занимается перепродажей. Думаю, в статую он стал играть именно тогда. А потом к нему приходили домой местные посредники и забирали товар. Поговори с соседями, возможно, узнаешь по описаниям знакомых тебе личностей.

– Почему его убили? – нахмурился Бармин. – Канал ведь действительно очень удобный.

– Возможно, он решил скрыть часть товара, не знаю. В квартире искали. Поняли, что товар еще не поступил, а Барку убили. Что делать? Тогда и возникла идея...

– Но подмену могли увидеть!

– Кто смотрит в лицо серебряной статуи? Лишь бы фигура была подходящей: рост, комплекция...

– О'кей, – кивнул Бармин. – Я этим займусь.

– Держи меня в курсе, – попросил Беркович. – Официально это убийство веду я.

– Конечно, – сказал Бармин.

– Ну что? – спросил инспектор Хутиэли, войдя в кабинет Берковича полчаса спустя. –  
Есть продвижение в деле Барки?

– Похоже, – кивнул старший сержант. – Скажите, инспектор, вы были в музее Израиля?

– Когда-то... – неопределенно отозвался Хутиэли.

– Там стоят статуи. На что вы больше обращали внимание – на лица или тела?

– В статуе главное – фигура, – заявил инспектор. – Поза, жест...

– Вот и я говорю о том же, – заключил Беркович.

## Невинные жертвы

– Я не понимаю логику комиссара, – пожаловался инспектор Хутиэли старшему сержанту Берковичу. – Почему не опубликовать фоторобот в газетах? Шанс найти этого негодяя многократно возрастет.

– Мне кажется, – осторожно заметил Беркович, – что там, наверху, просто боятся сказать вслух, что полиция бессильна. Насильник бесчинствует четвертый месяц. Шесть случаев изнасилования. Все женщины дают прекрасные описания внешности, составить фоторобот – никаких проблем. И что? Негодяй неуловим! Легко ли в этом признаться и предоставить поиск самим женщинам?

– И ведь что самое ужасное! – воскликнул инспектор. – Пройдет месяц-другой, насильник совершит еще несколько преступлений, и все равно придется публиковать фоторобот – ясно, что без помощи населения нам не справиться, как бы полиция ни делала вид, что ни в чьей помощи не нуждается.

– Да, вы, конечно, правы, – кивнул Беркович.

Серийного насильника полиция искала с тех пор, как три женщины дали очень похожие описания напавшего на них мужчины. Около тридцати лет, лицо узкое, большой рот, усики... Ежедневно задерживали двух-трех человек, допрашивали и вынуждены были отпускать.

Инспектор Хутиэли и старший сержант Беркович были привлечены к расследованию, когда в полиции создали большую следственную группу, которую возглавил комиссар Карми. Не только Хутиэли с Берковичем, многие другие следователи тоже считали, что фоторобот должен быть опубликован, но комиссар не давал разрешения, опасаясь взрыва, как он говорил, «фискальной активности населения». Результат оставался плачевным.

Беркович рассматривал лежавший перед ним на столе рисунок и в очередной раз попытался представить себе этого человека, наводившего ужас на женское население Тель-Авива. Зазвонил телефон, и старший сержант поднял трубку.

– Сегодня ты дежуришь по делу Худого? – спросил знакомый голос патрульного Бар-Гиоры. – Похоже, он опять взялся за свое. У меня в машине девушка. Ей повезло, смогла вырваться...

– Вези, – сказал Беркович.

Худым насильника назвали в полиции после того, как был составлен фоторобот.

Девушка, которую привел Бар-Гиора, выглядела испуганной, разорванный подол платья волочился по полу, а на щеке алел кровоподтек.

– Он меня ударил! – воскликнула девушка. – И платье порвал!

Полчаса спустя Беркович уныло перечитал описание насильника – плотный мужчина двадцати пяти лет, небольшая лысина, широкое лицо... Ничего общего с Худым! Неужели еще один насильник вышел на охоту? Только этого не хватало для полного счастья!

Домой Беркович вернулся в тот день в дурном настроении, и Наташа, конечно, поняла, что на службе произошла какая-то неприятность. Отвечать на вопросы жены Беркович отказался и лег спать пораньше, надеясь, что утром сможет взяться за расследование с новыми силами.

Однако ни следующее утро, ни вся неделя не принесли ни единой новой улики. Второму насильнику присвоили кличку Толстый, фоторобот передали во все отделения полиции, и расследование застряло. В воскресенье Тоший изнасиловал продавщицу из магазина «Кастро», и женщина была так напугана, что не смогла дать никакого описания, разве что заявила, что мужчина был худым и высоким. А в понедельник дал знать о себе Толстый – на этот раз ему удалось-таки совершить насилие, и с жертвой Беркович разговаривал в приемном отделении больницы «Ихилон». Описание Даны Баранович в точности совпало с тем, что сообщила неделю

назад Хана Варди. Оба раза Толстый напал на женщин в районе улицы Ахад А-ам, и это давало некую зацепку, которая, конечно, могла оказаться и неверной.

Вечером, вместо того, чтобы поспешить домой, старший сержант направился к Дане Баранович, жившей в трех кварталах от Алленби, на тихой и короткой улице. Дверь Берковичу открыл отец Даны, набросившийся на старшего сержанта с обвинениями в глупости, бездарности и полном служебном несоответствии. Разбушевавшегося Рафаэля Барановича с трудом успокоили, и Беркович уединился с Даной в ее комнате, где на стенах висели постеры с изображениями голливудских кинозвезд.

Дана расплакалась, вспомнив то, что с ней случилось, но взяла себя в руки и ответила на вопросы. Видела ли она этого человека раньше? Нет, никогда. Не боится ли проходить по улице Ахад А-ам после того вечера? Да, ужасно боится, она теперь всегда идет другой дорогой, хотя так длиннее. Разговаривая, Беркович внимательно осматривал комнату, ему хотелось составить себе представление об этой девушке, чтобы расположить ее к себе, убедить в том, что чем больше деталей она вспомнит, тем быстрее полиции удастся поймать негодяя.

Потом уже, выйдя на улицу, Беркович подумал, что в какой-то момент в глаза ему бросилось нечто... Постер? Предмет мебели? Он не мог вспомнить ничего конкретного, но знал, что ощутил некую странность, но возникшее ощущение исчезло, не оставив следа в сознании.

Глупости. Девушка до сих пор в состоянии, близком к шоковому. Хорошо хоть, у нее есть силы ходить на работу, другие, бывает, впадают в такую апатию, что пытаются наложить на себя руки...

На следующий день Толстый совершил еще одно изнасилование – все на той же улице Ахад А-ам. Жертвой стала Фрида Лумер, двадцати двух лет, ученица парикмахера из салона «Дафна». По ее словам, мужчина, описание которого в точности соответствовало описанию Толстого, набросился на нее, затащил в подъезд ближайшего дома и там... Слезы не позволили Фриде связно закончить рассказ, но все было ясно. Медицинское освидетельствование подтвердило – да, некий мужчина вступал с Фридой Лумер в интимные отношения.

– Скорее всего, этот тип или живет в районе Ахад А-ам или работает там, – сказал Беркович инспектору Хутиэли. – Иначе откуда такая любовь именно к этой улице?

– Довольно глупо с его стороны, – отозвался Хутиэли. – Тощий действует умнее – никогда не нападает в одном и том же районе.

Полицейским патрулям, дежурившим в районе Ахад А-ам, были даны четкие указания, а сам старший сержант несколько дней обходил один за другим все магазинчики, учреждения и склады, расположенные в пределах квартала. Он познакомился со множеством людей, хороших и не очень, худых и толстых, но на самом деле ничего толком не выяснил, собственное бессилие угнетало его, а тут еще Наташа, услышавшая от одной из подруг о действующем в Тель-Авиве насильнике, сказала, что женщины, бывает, сами провоцируют нападение – своей походкой, взглядом, движениями рук.

– Да, есть такой тип жертвы, – согласился Беркович, ощущая внутреннее раздражение от предположения о том, что Фрида Лумер или Дана Баранович своим дразнящим поведением заставили преступника выбрать их в качестве объектов насилия.

Впрочем, слова жены оставили след в его сознании, и на следующей неделе Беркович попытался присмотреться к девушкам – хотя бы для себя понять, действительно ли существует такой тип поведения, можно ли таким образом вычислить преступника и предсказать, кем может оказаться следующая жертва? Что особенного во Фриде? Или в Хане Варди? А в Дане Баранович? У Фриды и Даны были парни, с которыми девушки встречались, а Хана жила одна. Все три девушки жили в одном районе и, возможно, даже видели друг друга, поскольку ходили по одним и тем же улицам. Внешне девушки были мало похожи, разве что возраст...

Нужно было, наверно, искать Толстого, но Берковичу казалось, что он упустил важную деталь, без которой расследование зайдет в тупик. И вместо того, чтобы продолжить обход

улиц и учреждений, он еще несколько раз поговорил с девушками, задавая им вопросы, которые, скорее всего, ничем не могли помочь. Однажды он увидел, как Фрида, Дана и Хана, выйдя из управления полиции после очередного разговора, не разошлись в разные стороны, а вместе отправились в кафе на противоположной стороне улицы. «Вот так и рождается дружба», – подумал Беркович. В сознании опять мелькнула смутная мысль, и он отправился домой в Барановичам, зная, что застанет родителей Даны одних.

Дома был только отец, и Беркович выслушал новую порцию обвинений.

– Вы правы, – кротко сказал старший сержант. – Я сейчас уйду, вы только скажите мне одну вещь: Дана с Фридой Лумер знакома с первого класса, или они дружили еще раньше?

– Нет, – буркнул Баранович, – в восьмом, кажется... Какая-то вечеринка была, не помню...

– А Хана в их компании появилась позже?

– Да, это знакомая Фриды, а почему вас это интересует, старший сержант? Вместо того, чтобы преступника искать, вы...

– Всего хорошего! – сказал Беркович и покинул квартиру.

Все выглядело слишком просто. Но, с другой стороны... Возникшее предположение по ассоциации вызвало из подсознания забытое уже воспоминание о том, что он видел, когда разговаривал с Даной у нее в комнате неделю назад. Фотография над столом. Группа парней и девушек. Беркович подумал тогда, что это снимок, сделанный в школе. Один из парней был толстым, с ранними залысынами... Если бы фотография висела не на стене в комнате Даны Баранович, старший сержант непременно обратил бы внимание на сходство парня с фотороботом Толстого.

На следующий день Беркович пригласил трех девушек к себе – чтобы, как он сказал, показать новые фотографии: нет ли среди них Толстого?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.